

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО

В СЕРИИ ЖЗЛ ВЫШЛА БИОГРАФИЯ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Беседуют член Союза писателей России, преподаватель Оренбургской духовной семинарии Андрей ПРОСКУРЯКОВ и писатель, кандидат филологических наук Михаил КИЛЬДЯШОВ.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Михаил, для начала расскажите, как вы познакомились с творчеством священника Павла Флоренского и как это знакомство вылилось в желание написать о нём книгу в легендарной литературной серии?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Каждый молодой человек, который берётся за поэтическое перо, по моим наблюдениям, годам к двадцати переживает очарование Серебряным веком, причём очаровывается не только поэзией, но и судьбами поэтов, той разнообразной творческой атмосферой, которую породил Серебряный век. В сердце молодого поэта возникает, перепразируя Мандельштама, "тоска по Серебряному веку". У меня было именно так. Потом, если глубоко погружаешься в эпоху рубежа XIX–XX веков, не можешь пройти мимо русской религиозной философии. Для меня Владимир Соловьёв, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Иван Ильин, Николай Лосский в своё время стали не просто философским открытием, но и первыми шагами к Православной церкви. А ведь и Андрей Белый, и Александр Блок по-своему тоже были религиозными философами, и при этом каждый из философов той поры воспринимался как писатель. Неслучайно Бердяева семь раз номинировали на Нобелевскую премию по литературе.

Но мне как филологу очень хотелось сосредоточиться в Серебряном веке на личности, у которой было бы и философское, и поэтическое наследие. В первую очередь здесь, конечно, возникал Владимир Соловьёв, но его поэзия была изучена уже основательно. Радостью стало для меня узнать, что Павел Флоренский тоже писал стихи, был автором нескольких самобытных поэтических книг и поэм. О Флоренском-поэте я в итоге написал дипломную работу на филологическом факультете оренбургского педуниверситета. Именно через поэзию я открыл для себя Флоренского как философа, богослова, учёного, семьянина, подвижника, мученика.

А поэзе были ещё одна дипломная работа на факультете культурологии об антроподицее (оправдании человека) Флоренского, диссертация об интертекстуальности работ отца Павла, которая позволила мне с особой скрупулёзностью прочесть его собрание сочинений. Теперь я понимаю, что всё это было необходимым приуготовлением к книге в серии ЖЗЛ.

Помню, как часто просматривал на сайте издательства "Молодая гвардия" новинки этой серии, ждал книгу об отце Павле, и было даже как-то обидно оттого, что о таком великом человеке за столько лет не появился том в главной биографической серии страны. От этого и возникло моё дерзновение. Признаясь, что первую заявку в издательство я написал ещё в 2011 году: меня не отвергли, попросили прислать фрагмент. Но я этого делать не стал: чувствовал, что ещё не готов, чувствовал, что эта книга должна появиться в иную пору. В пору особых испытаний, таких, какие переживает наше Отечество теперь.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Почему для названия книги вы выбрали цитату отца Павла Флоренского "Нельзя жить без Бога"? Ведь у отца Павла достаточно большое письменное наследие, и выбор вполне мог быть иным.

Михаил КИЛЬДЯШОВ. В серии ЖЗЛ многие книги имеют подзаголовки, который, как правило, ёмко характеризует героя, подчёркивает его суть. Например, "Игра его была огромна" в книге Захара Прилепина о Леониде Леонове. Мне же хотелось вывести в подзаголовок фразу, которая прозвучала бы как наставление отца Павла нам сегодняшним. "Нельзя жить без Бога", — эти слова Флоренский произнёс не на склоне лет, не с грузом жизненного опыта. Он не занёс их неспешной рукой куда-нибудь в дневник, а буквально выкрикнул ещё совсем юношей, даже не пришедшим в Церковь. Эти слова настигли его с небесной высоты, летней ночью, кем-то пока неведомым были вложены в уста. Флоренский даже не понял тогда, кому их прокричал: то ли себе самому, то ли всему мирозданию. Но он последовал за этими словами, всем своим земным путём подтвердил, что нельзя жить без Бога. Мне представляется, что наша страна и каждый из нас теперь уподобились такому юноше, который пробудился среди ночи и, томимый духовной жаждой, воскликнул: "Нельзя жить без Бога!"

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. В чём, на ваш взгляд, заключается универсальность личности отца Павла? Как ему удалось снискать столь выдающиеся достижения в столь разных областях знания и практической жизни?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Флоренский стремился к цельному знанию. Он был убеждён, что невозможно постичь Истину, не преодолев "водоразделов мысли". Человеческое сознание, раздробленное на науку, религию и творчество, виделось ему "царством, разделившимся в самом себе". Отсюда не странные, а промыслительные сближения в наследии Флоренского, когда в работе по геометрии он цитирует "Божественную комедию" Данте, когда, доказывая бытие Бога, приводит логические формулы или когда пишет поэму, где возникает образ вечной мерзлоты, которую отец Павел изучал на Дальнем Востоке.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Что было ближе Флоренскому: Афины или Иерусалим? Кто для вас Павел Флоренский: философ или священнослужитель?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Да, отец Сергей Булгаков писал, что во Флоренском "встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим". Сам же Флоренский, который очень много размышлял о греческих философах, говорил, что среди них есть "христиане до Христа", в первую очередь, идеалист Платон, в чьей душе жили тоска по Божественной Истине, предчувствие её.

Философ и священник во Флоренском неразрывно: в этом стремление к цельному

знанию, о котором я говорил. Всякая философия, по Флоренскому, без Бога мертва, но и в религии есть много всего, что требует философского осмысления. Неслучайно именно отец Павел был своеобразным третейским судьёй в пору имяславских споров, когда для разрешения вопросов об имени Божьем нужен был человек, обладающий духовным и молитвенным опытом и одновременно способный изъяснить этот опыт в точных богословских и философских категориях.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Обращались ли вы в своей жизни к опыту отца Павла как семьянина?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Всех, кто сегодня ищет для себя достойный пример семейного строительства, я призываю обратиться к опыту семьи отца Павла. Уже будучи отцом пятерых детей, он признавался в письме своей жене, что не знает, как отвечать на вопрос: "А сколько у вас детей?" Потому что отец Павел не представлял, как можно дробить семью на отдельные единицы, когда все: родители и дети, муж и жена, братья и сёстры — едины.

Отец Павел в плане семейного строительства — горизонт, который для нас едва ли достижим, но всё же на него надо идти. Когда я познакомился со своей будущей женой, она, ещё не зная моего увлечения Флоренским, однажды принесла мне зачитанную книжечку отца Павла "Детям моим. Воспоминания прошлых дней" и сказала, что это её любимое повествование о семье. Я, конечно, эту книгу тоже знал и с благоговением читал, как Флоренский рассказывает сыновьям и дочерям о собственном детстве, как старается укрепить их через это на всю будущую жизнь.

Ещё я очень проникся философией рода Флоренского, его размышлениями о семейном летописании, о связи предков и потомков. Каждый человек в своём роду не обособленная личность, а связующее звено между поколениями, и родовая связь прочна настолько, насколько ты готов продолжать духовную вертикаль рода. Но как драгоценны суждения Флоренского о горизонтали рода, о родстве не по крови, а по духу! В горизонтали рода ты обретаешь единение со всеми, кого читал, кем вдохновлялся, даже если не жил с ними в одну эпоху, не был их современником.

Благодаря Флоренскому я осознал, как важно воспринять свой род в контексте русского времени и русского пространства, как важно знать те места, с которыми связан твой род. Для меня стало особым знаком, что костромская земля, где я родился — это исток рода Флоренского по отцовской линии. А Сергиев Посад, в котором прошла большая часть жизни отца Павла, стал для меня духовной Родиной.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Чем Флоренский выделяется на фоне той великолепной плеяды русских религиозных философов, что просияли в России на рубеже XIX и XX веков?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Своим энциклопедизмом: в отличие от большинства религиозных философов, которые были блестящими гуманитариями, Флоренского мы знаем ещё и как физика, математика, инженера, исследователя льда и морских водорослей, как человека, который приблизился к созданию ядерного оружия и компьютера. Но энциклопедизм — это самое очевидное.

Лично для меня после написания книги главными особенностями и достоинствами отца Павла стали его консерватизм и державность. Каждый, кто не будет вырывать из контекста отдельные его высказывания или периоды жизни, увидит, каким патриотом был отец Павел, сколько в нём было социального здоровья, бытийной и бытовой рассудительности. Прочитайте хотя бы его статью "Троице-Сергиева лавра и Россия" — это гимн Отечеству, нашей истории, нашему духу.

В начале Первой мировой войны, когда многие современники хулили русское воинство, Флоренский отправился к линии фронта священником санитарного поезда. Когда после Гражданской войны инье нашли спасение за границей, Флоренский под страхом ареста и смерти, осознавая все возможные опасности, тем не менее остался в России. Он как никто понимал, что чужбина никогда не станет Родиной, был убеждён, что Бог никогда не благословляет покидать в трудное время то, за что ты ответственен перед предками и потомками.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Какое событие или период жизни будущего священномученика вы считаете наиболее переломным, повлиявшим на его мировоззрение и дальнейший путь?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Я старался написать свою книгу так, чтобы каждая глава, а их больше пятидесяти, заключала в себе какое-либо переломное событие. Это и исторические события: все три русские революции, репрессии, сохранение ризницы Троице-Сергиевой лавры, спасение честной главы преподобного Сергия, работа над планом ГОЭЛРО... И события личной жизни: учёба в Московском университете, а затем в Московской духовной академии, ранняя смерть отца, счастливая женитьба, приобретение дома, рождение детей... Это встречено с самыми разными людьми: однокурсники Владимир Эрн, Александр Ельчанинов, гимназический учитель Георгий Гехтман, Андрей Белый, Василий Розанов, друг по духовной академии Сергей Троицкий, духовники-старцы Антоний (Флоренсов) и Авва Исидор, философы Юрий Самарин, Михаил Новосёлов, Владимир Кожеников, художник Владимир Фаворский и Михаил Нестеров... Работа над книгами: "Стоп! и утверждение Истины", "Иконостас", "Мнимости в геометрии"... Это и Божьи знамения — события и обстоятельство, которые с самого детства вели Флоренского к Церкви: Евангелие, что впервые увидел в тёмном комодке, увлечение философией Соловьёва, посещение выставок, где была представлена панорама художника Яна Тышки "Голгофа"...

Но главное событие в жизни Флоренского — рукоположение, принятие той благодати, что даётся в хиротонии. Всё в жизни Флоренского было озарено священством: преподавание, научная работа, семейная жизнь. Всё было служением, не только ближнему, но прежде всего Богу.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Как, по вашему мнению, идеи Флоренского о единстве и единении могут быть полезны нашему современному обществу? Почему именно "единство" отца Павла актуально для нас?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Ещё в старших классах Тифлисской гимназии Флоренский с большим интересом воспринял философию всеединства Владимира Соловьёва, хотя впоследствии не стал абсолютным соловьёвцем. И тем не менее единение всего сущего в Божественном промысле для Флоренского оказалось определяющим во всём, что он делал. Семья, преподавательская и научная общности, философские кружки, монашеская братия, народ в целом — всё должно стремиться к единению. Дружба — начало, основа единства. Флоренский определял её как "постижение себя через друга в Боге", потому "быть без друга значит быть вне Бога". Врагу рода человеческого претит единство, потому что, пребывая в нём, люди становятся ближе к Спасителю. Флоренский порицал любые попытки разделения, расторжения. "Церковь — не партия", — говорил он тем, кто желал церковного обновления, кто стремился обособиться, отказаться от апостольского преемства. "Любовью и единением спасёмся", — эти слова преподобного Сергия были очень близки отцу Павлу. Трудный жизненный путь философа и священника показывает нам, как дорого обходится утрата единства, сколько исторических сил нужно положить на его восстановление, сколько бесценного времени потратить.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Михаил, вы известны читающей публике в том числе как исследователь творчества русского писателя и общественного деятеля Александра Андреевича Проханова. Скажите, какие параллели вы могли бы провести между этими, на первый взгляд, такими разными, но вам одинаково близкими личностями?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Александр Андреевич Проханов — это, наверное, первый человек, который воспринял меня во всей полноте моих творческих возможностей, не разводя меня во мне писателя и филолога, как часто делала это литературная и академическая среда. На страницах прохановской газеты "Завтра" оказались востребованы моё благоговейное отношение к слову, моё понимание русской культуры, моё знание Флоренского и его эпохи, мой научный, преподавательский и литературный опыт. Меня вдохновила мысль Проханова о том, что "XXI веку предстоит вернуть в Россию философский пароход", то есть вознести русскую мысль на ту высоту, которую мы утратили с вынужденной эмиграцией великих умов в первую половину XX столетия. "Философский пароход" здесь весьма условен, потому что в случае с Флоренским нужно не возвращение, а воскрешение гениев-мучеников, которые остались в своей земле и на десятилетия были преданы забвению.

Моя книга о Проханове "Ловец истории", изданная в 2018 году, посвящена творчеству писателя, осмыслению его романов, начиная с самых первых и до тех, что были написаны в год издания моей книги. Тогда романов было уже более сорока, и в силу того, что все они предельно автобиографичны, фактически работа над "Ловцом истории" стала для меня первым опытом жизнеописания, который очень пригодился при обращении к жизни Флоренского. Книга о Проханове помогла мне осознать, что биография любого человека нужно не просто поэтично излагать, а проживать как собственную жизнь: с эпохой своего героя надо срастаться, с его близкими нужно родниться.

Для меня книга о Проханове и книга о Флоренском стали своеобразной диалогией, потому что в них обеих я пытался понять отношения человека со временем, причём не только как с эпохой, но и как со сверх-исторической, метафизической категорией.

Флоренский всегда помогал мне глубже осознать Проханова, а Проханов — Флоренского. Люди разных эпох, мировоззрений и творческих задач, они всё же обнаруживая порой удивительное сходство биографий. И тот и другой — люди патриархальные, многодетные отцы, чьи дети стали достойными продолжателями родительского дела. И тот и другой в молодости собирали фольклор (Проханов — песни, Флоренский — частушки), обожали русскую деревенскую старину, старались всеми силами её сберечь, примирить с напиранием со всех сторон цивилизацией. И тот и другой посмотрели прямо в глаза войне: Проханов узрел семнадцать разных её ликов на всех континентах, Флоренский в пору Первой мировой войны исповедовал, прицашаю раненых, утыпал их печали, называл русских солдат "святым воинством", в котором пробудился "ангел народа русского". И Флоренский, и Проханов — люди, наделённые редким даром находить и сплачивать единомышленников либо в интеллектуальные сообщества, либо вокруг периодических изданий: "Богословский вестник" времён редакторства Флоренского по своей идейной многогранности и при этом внутренней цельности каждого номера напоминает журнал "Изборский клуб" и газету "Завтра" Проханова. И тот и другой — созидатели отечественной техносферы: физик и инженер Флоренский, вдохновенный писатель Проханов каждый по-своему проникли в тайны материи, поэтизировали машину, видели в научном открытии — высочайшее проявление вдохновения.

Я часто с болью представлял себе, что Флоренский, генетически наделённый кавказским долголетием, вполне дожил бы до 1960-х, и тогда молодой Проханов мог бы брать у него интервью для "Литературной газеты" или "Литературной России" — возникла бы мощнейшая сумма творческих сил, уникальная преемственность мысли.

Однажды старший внук священника Павла Флоренского, доктор наук, преподаватель Губкинского университета Павел Васильевич Флоренский, большой подвижник в деле возвращение наследия своего деда к читателям, обратился ко мне с просьбой. Он, ровесник Проханова, давний почитатель газеты "Завтра", зная прохановскую страсть к собиранию бабочек, попросил передать для него две бабочки,

когда-то пойманные Павлом Васильевичем на Дальнем Востоке. Я печатал со слов Флоренского сопроводительное письмо Проханову и словно ощущал энергию двух могучих реакторов, понимая, что через достоянейшего внука происходит несостоявшийся диалог Флоренского и Проханова, что бабочка русской истории перепархивает с одного дивного цветка на другой.

Мои статьи, эссе, стихи показывают, что самые сокровенные мысли и идеи у меня рождаются при сопряжении священника Павла Флоренского и писателя Александра Проханова, при одновременном осмыслении их историсофии. Каждый из них по-своему для меня пример служения, пример созидания.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Как трагедия мученической кончины священника Павла Флоренского повлияла на его наследие? И, конечно же, нельзя не спросить, почему отец Павел, по-вашему, до сих пор не канонизирован Русской православной церковью?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Павел Васильевич Флоренский очень верно сказал, что его дед после расстрела не был развечан, никто из недоброжелателей не прикладывал сил для отрицания священника и философа, потому что отрицание всегда пробуждает интерес, сподвигает обратиться к первоисточнику. Флоренский был замолчан. Замолчан на десятилетия, а предание забвению — это жесточайшая форма репрессии. Сам Флоренский в письмах с Соловков говорил, что его идеи опередили время примерно на полвека, но они не нужны обществу. "Ну что ж, тем хуже для общества", — с горечью заключал он. И действительно, Флоренский усилиями детей и внуков вернулся к широкому читателю примерно через пятьдесят лет после расстрела.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Как вы пришли к тому, что нужно написать молитву священномученику Павлу?

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Ещё в начале работы над книгой я знал, что завершится она молитвой. Мне представлялось, что писать её я буду долго, в сомнениях, нерешительно подбирая слова. Но в один из вечеров, удивительно для себя самого, составил её на одном дыхании, слова как-то сами сложились в промыслительном порядке. Эта молитва опубликована в самом конце книги. Она напечатана в светской графике и орфографии, но изложена на церковнославянском языке. Больше пятнадцати лет я преподаю церковнославянский в разных учебных заведениях, но тогда мне подумалось, что этот преподавательский труд был ради составления молитвы священномученику Павлу (Флоренскому).

Мне виделось, что молитва, напечатанная на отдельной странице книги, станет завершением последней главы. Но когда впервые взял в руки издание, то поразился тому, что её вынесли отдельным пунктом в содержание, как самостоятельную главу. В этом, как мне представляется, был особый Божественный знак, Божественная воля: наше сегодняшняя молитва отцу Павлу — это продолжение его биографии, продолжение земного в небесном.

Ещё не канонизированного отца Павла я дерзновенно назвал "священномучеником". Но для меня и, знаю, что для многих, он именно священномученик. Сегодня как никогда нам необходим такой небесный ходатай, как отец Павел. Его заступничество необходимо и учёным, и священству, и воинам, и писателям, и всем, кто радеет за свои семьи. Соборная молитва пока невозможна, но для келейной — слова уже открылись.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ. Расскажите, пожалуйста, что более всего запомнилось вам из процесса работы над книгой? Над каким этапом жизни Флоренского работать было тяжелее всего?

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 72-22122 от 24 октября 2005 года.
Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Тираж 15 900

Заказ № 0557-2025

Дата выхода в свет — 12.02.2025 г. Подписано в печать 11.02.2025 г. в 14.00, по графику — в 14.00

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Ответственный секретарь — Наталья КЕРИМОВА